

Содержание

Сергей Завьялов.

Волжский текст русской поэзии 5

Арзамас 13

Арзамас P.S. 19

Возвращение 20

Алатырские вариации 23

Крымское 24

Дебаркадер 25

На реке 26

Летнее чтение поэтов-энтомологов . . . 27

Зимнее чтение поэтов-энтомологов . . . 28

Осеннее чтение поэтов-энтомологов . . . 29

Весеннее чтение поэтов-энтомологов . . . 30

Ода Гиротрону 31

Краткий стихотворный конспект трактата
о воздушном электричестве Михаила
Васильевича Ломоносова 32

Будущее нижегородских монументов . . . 35

Испытатели мух 38

Фармация 43

Железный садовод 44

Дом кино 45

Невские монументы 46

Новый Петергоф 48

Начало года 49

Поездом 50

Ввиду зимы 51

Земля–Луна–Марс 52

В мае	53
Дом культуры	54
Библиогеометрия	55
К весне	56
Босфор-причал	57
Вариация	58
Гроза	59
У пруда	60
Кара-Даг	61
Станция Волга	62
Домой	63
Из окна	64
Кумкапы–Босфор	65
Майский луг	66
Метаморфоз	67
На Варнаву Ветлужского	68
На Луне	69
Перекличка	70
Стамбул-каприз	71
Аналоги	72
Болдино, 1937	73
Фантом	74
Юбилей, 1937	75
Пушкин-космос	76
Прогноз	77
Гиперобъекты	78
Спекулятивный реализм	80
Философское наблюдение	83
Радиоастрон	84
Астроном Адерман	86

Волга былинная	87
Волжское утро	88
Вопрос	89
Одиссей в Горьковском море	90
Паром в Мышкине	91
Птицы и насекомые	92
Шмель	93
Фреска	94
Розанов на Волге	95
Seven Sisters	96
Троицкий	98
На Дебре	101
Радиационному генетику	102
Мушинная песнь	104
К немецкой речи	110
Таблица Гмелина	112
Географу	115
Нейтрон-Троица	116
РДС-бездна	118
Синтез	123
Третья идея	124
Новый Паганель	126
Тобольская Иппокрена	128
сИренада	129
Элегия полигона	132
Эпициклы	133
Элегия	135
Радионебо	136
Река времён	142
Девять предложений по осушению Горьковского моря	145

Хомяков	148
Монолог к Алексею Степановичу Хомякову по поводу эпидемий и лекарств . . .	155
Фотопортация. 1896	157
Шиморское	161
Философ в усадьбе	162
Темза в отлив	163
Тема и вариации	165
Подорожная	166
Аудиобинокуляр	167
Болотов в Богородицке и в Москве . .	170
Болотов в саду	173
Монолог фармацевта Джона Хилла в переложении натуралиста Андрея Болотова	175
Болотов дома	177
Свет затмения	179
Катаклизм	181
Кузнечик	182
Памятник	183

Волжский текст русской поэзии

Парадоксально, но Волга, казалось бы, ставшая эпическим топосом и, в каком-то смысле, эпическим персонажем русской культуры, не породила в русской поэзии *волжского текста*. Это можно было бы еще объяснить в XIX веке относительной малонаселенностью волжских городов: так, в 1897 году по Первой всеобщей переписи населения Российской империи в Саратове и Казани насчитывалось по 130, а в Нижнем Новгороде — 80 тыс. жителей, тогда как в Петербурге и Москве — более чем по миллиону; но в XX веке, когда миллиона жителей достигли многие волжские города, это стало производить впечатление уже чего-то болезненного и ущербного, какого-то слабого места в национальной идентичности.

Один Некрасов воспел эту реку, и никто не воспел ни один из ее больших городов, в том числе их знаменитые уроженцы (разве что Сталинград — Михаил Луконин), а ведь среди них были и Гаврила Державин, и Михаил Кузмин.

Было бы крайне наивно увидеть в Евгении Стрелкове «певца» Нижнего Новгорода или даже всего Поволжья. В одном из интервью он сказал: «Волга — не тема, а повод». Его поэзия — не гимн, не траурная песнь и не проклятие своему многонациональному и многоязычному отечеству (по его определению, «клубку народов»), как это характерно для татарской и чувашской, мордовской и марийской поэзии этого края; тематика Стрелкова беспрецедентно разнообразна и свободна от этнических и провинциальных травм, но оптика имеет некий отчетливый географический стержень, который и позволяет увидеть в ней осуществление проекта, долгожданного для любого эмоционально привязанного к этой земле человека: *волжского текста*.

Оригинальность поэзии Стрелкова усиливается еще одной чертой: при плотной пронизанности аллюзиями, цитатами и даже пастишами русской классики и модерна она не транслирует привычного для любителя и знатока этих классики и модерна духа эстетической солидарности аудитории, такого помавания головой в знак неотвратимого согласия с собеседником; ее адресат иной, куда более широкий, причем не в смысле «демократизма», но в избрании какой-то иной жизненной судьбы. От такого адресата можно ждать солидарности в неожиданном нарушении правил восприятия культурного канона: иные имена святынь (древняя мордовская столица Арзамас) и литераторов (Алексей Хомяков, Яков Полонский, а то и целый квартет: Жуковский, Блудов, Вяземский, Уваров) или иные их упоминания (например, цитаты из Горация или Овидия не в стихотворном русском переводе, а полатыни с подстрочником), не говоря уже о целом большом цикле парафраз Пушкина! А какова оптика родных мест (увидеть родной город с палубы теплохода: есть такое про Неву?) и чужих стран (Германия начинается с барж на Нижнем Рейне, Стамбул — с причалов на Босфоре). Или еще: цитата из Горация вплетена в топонимику Астрахани (между прочим, до нее от Нижнего по реке почти две тысячи километров).

Читая стихи Стрелкова нельзя упускать из вида ни его профессию радиофизика (отсюда способность работать в области *Science Art*), ни его глубокую укорененность в разных вербальных и невербальных жанрах *Contemporary Art* (по его словам, анализ современности художественными средствами): тут и *лэнд-арт* и *книга художника*, *паблик-арт* и *медиа-арт*, *графический дизайн* и *звуковая инсталляция* (превращение графических систем в звуковые). Важно понимать и значение его

издательской деятельности (17 альманахов «Дирижабль»), и работу в области графического дизайна и анимации.

Наверное, Евгений Стрелков более известен как художник, и тем не менее мне представляется, что главный вклад Стрелкова в русскую культуру — его поэтическое пятикнижие: «Молекулы» (2015), «Лоции» (2018), «Сигналы» (2021), «Растворы» (2023) и «Разряды» (2023); шестой книгой должны стать предлагаемые читателю «Фигуры речи». Эта поэзия не завязана на «актуальность», она не претендует на то, чтобы удивить пресыщенного «профессионала» экзотикой вербальной инсталляции, не следует в фарватере (вполне «волжское» слово) каких-то больших «направлений» модерна или водоворотов постмодерна.

Поэтический корпус Стрелкова, переливающийся всеми оттенками жанровой и стилевой амальгамы, остается поэзией в самом прямом смысле этого слова: он прорывает границы той сегодняшней болезненной ограниченности профессиональной средой, которая симптоматична для любого (античного, например, или классического исламского) цивилизационного краха: искусство для художников, музыка для композиторов, поэзия для поэтов. В нем встречается *и божество, и вдохновенье...*

Влетает бабочка — и отменяет время.

Стальные панцири, все в утренней росе.

И звёзды в высоте, но кажется, не все.

То, что *волжский текст* не тема, а повод, раскрытие поэтом смыслов, потенциально содержащихся в самом явлении великой реки, как раз и делает книги Стрелкова уникальными в нашей поэзии.

Действительно *по поводу*. Вот цикл «Арзамас», например: не про древнюю столицу — «Четвертый Рим» — инь-зора Пургаза (с известной «посвященным» репутацией), а про убегающее время, воплощенное в гипсовых фигурах

нелепых девушек, и убегающую воду с начинающимся ледоходом, про неизбывно каждую весну сходящий с полей снег; про то, как *густое время* закипает под небесным куполом и заливает землю, как убежавший кисель; про утишающие горе коптящие фитильки, про *атомы и пустоту*...

Увидеть реку (превращенную в индустриальные «моря» со шлюзами) с ее гребнями и рытвинами волн, бакенами, буями, *речными сигналами*.

Увидеть мордовский пристанционный поселок с бабами, торгующими пирожками с картошкой (в память о каком голоде? 1921-го? 1933-го? 1946-го?), эрзянский зипун и мокшанский шапокляк.

Разглядеть на фотографиях *Belle Époque* не одну «офицерскую прямоту» и «упругие шелка», но и *крючников, такелажников, плотогонов, кондукторов, извозчиков, продавцов сбитня*, но и *старика-черемиса*, а также *юкагиров, чукчей, коряков, тунгусов*, привезенных в качестве живых экспонатов на знаменитую по «Жизни Климата Самгина» Всероссийскую выставку 1896 года.

Расслышать фундаментальное звуковое родство между *трелями и всхлипами* мушиного пения и 45-й, «Прощальной» симфонией Гайдна, расслышать в нем цитаты из Пушкина, Хлебникова, Мандельштама.

Подкладка мирозданья.

Самое главное, что удалось Стрелкову (о как хорошо поймет это любой его соотечественник от Костромы до Саратова и от Тамбова до Самары!) — избежать восторгов, душащих волжанина (каким бы ни был язык его предков), когда в его сознании пробуждается поистине первозданный, соединяющий небо и преисподнюю водный поток: Рав — Юл — Атӓл — Идел.

Это он, *Ине-ведь* (Великая вода), прародитель (в финских языках род отсутствует) трех мистических рыб,

в свою очередь создательниц *всего*, старшая из которых
напророчит конец света, который начнется именно с вы-
хода Волги из своего русла:

<i>Кода мон туян чи-лисьмев,</i>	<i>Когда я поплыву на восход,</i>
<i>Ведь пешкеди берёкто берёкс.</i>	<i>Воды выйдут из берегов.</i>
<i>Омбоцесь туи сон обедев,</i>	<i>Когда другая поплывет к полудню,</i>
<i>Ине-ведень сон чачк явсы.</i>	<i>Пополам разделится Великая вода.</i>
<i>Кода юваньди колмоце калось, —</i>	<i>Когда же отправится в путь третья,</i>
<i>Потона туи мастор ланга.</i>	<i>Потоп зальет всю землю¹.</i>

Да, порой боль за искалеченную гидроузлами святыню
прорывается всплесками горечи:

*Говорят, что на Светлояре, поглотившем Китеж,
если вдруг попадаёшь в такт, то слышишь
колокольный звон. Что способно прислышаться
на фарватере Горе-моря?
Скрип колодезного ворота?
говор с паромов
и пристаней
местных Марф и Пахомов?
Или саней
по целинному снегу шелест?
Иль болтовня осетров, идущих на нерест?
Иль небывальщина разная вдруг примнится?
что-то гулкое и пустое —
как бидон алюминиевый, или передовица
времён застоя.*

Или:

*Когда Горе-море сойдёт на нет —
а ведь это когда-нибудь произойдёт,*

¹ Эрзянская песня космогонического содержания, записанная финским лингвистом Хейкки Паасоненом в Ставропольском (теперь — Тольятти) уезде Самарской губернии в 1899 году (Mordwinische Volksdichtung. Helsinki, 1938–1981. Ges. von H. Paasonen. I, 5).

*Когда сойдёт вода и обнажит откосы,
увидят свет тогда песчаные наносы.
Исчезнувший ручей.
Затопленный понтон,
Исполненный очей
стеклянных, стрелочных, полуразбитых, щит,
покинутый средь рыб разнопородных.
И отпечатанный в породе трилобит —
турбинный вал — среди себе подобных
валов в бетонных берегах безводных.*

Но главное в развитии этой тематики — другое: за видимыми на каждой излучине ранами таятся раны невидимые. Их отзвук в знаменитой инсталляции Стрелкова, представляющей собою фоторентген мощей (напоминающий композицию иконы Деисусного чина) уничтожен при строительстве ядерного центра вместе с собором в одной из главных православных святынь Поволжья, Саровской пустыни (опять-таки находившейся на месте одной из древних мордовских столиц, столице погибшего в битве при Легнице каназора Пуреша). Написанный параллельно стихотворный цикл «РДС — Бездна» сплетает в один катастрофический пучок, казалось бы, независимые друг от друга сюжеты воды, земли, воздуха, истории, физики, этики, религиозного (?) чувства:

*Так гигант Христофор, несущий Христа
изображался псоглавым, так белая береста
расчерчена черными полосами.
Так и атомный свет
Зло ли? благо? Ответ
не однозначен
Лишь очерчен. Облучён,
Рентгенограмма, где световым лучом
пишется «мене текел фарес»
и период полураспада
этих слов меньше, чем надо,
чтобы задуматься.*

*Чтобы начать
действовать. Чтобы наложить печать.*

Эта боль не превращается ни в пафосную риторическую тираду, ни в пропаганду некой политической повестки, она не заслоняет собой волжский пейзаж, исполненный того, что раньше называлось *реализмом*:

*По боку бакены, рыбацьи хибары
Звуколокацией уснувшей реки
птичьи крики, кряки, рыбы удары
— к последним прислушиваются рыбаки.*

*Пустые берега, до горизонта воды,
здесь были города, тревожились народы,
теперь стоит вода и муть воды стоячей.
Годами невода не видит глаз судачий.*

*Се всех потуг исход, и меловые горы —
заброшенный комод, где средь песка и сора
блеснёт порой искрой ордынская монетка,
или крючок с блесной, иль панцирная сетка,
скрывавшая броню былинного героя,
что предавал огню рифейских склонов трюю,
прикамский вавилон, заволжские помпеи...
где величавый звон, где эти эмпиреи?*

Но и это не всё. Это — сердцевина поэтического мира, и он огромен с его звездами ночью и облаками днем, ветрами, лесами, степью, птицами, жуками. Людьми, наконец: физиками и поэтами, художниками и *рыбоудами*, пассажирами на перронах и пристанях, станционными рабочими и матросами.

И поэтическими цитатами и аллюзиями, мерцающими, как вечерние огоньки за окном ли идущего поезда, на погрузившемся ли в ночной мрак берегу (горном или луговом) великой реки.

*Нет, весь я не умру,
Трудов и дней настой
Как губкой впитан той
Субстанцией в эфире.
И эолийский строй
Над лоном волжских струй
Настроил я в иной, неведомой цифири.*

*Я Мельпомены звук ловил порой ночной,
С русалочьих рулад снимая негативы.
И в знак моих потуг, могучий Ахелой,
Ты одари меня венком с прибрежной ивы.*

Сергей Завьялов

Арзамас-3

Белые
ослепительные колокольни
слезящие глаза, как местный
известный лук,
расставлены в окрестных полях
сухопутными маяками.
Белые
полосы остатков снега на бороздах
как гривы морской пены.
Белые
изоляторы на столбах по межам
как чайки на ряях мачт
кораблей, не переживших бури.
А на горизонте
в миниатюре,
в прорыве
небесных кулис,
в анфас —
Арзамас.

Арзамас-4

Могучий Арзамас — четвёртый Рим
накрытый куполом небесно-голубым
и в подражании Риму или небу
ещё с полдюжины —
с блестящей скорлупой
и с голубой.

Классический фронто́н, аттический узор
и микеланджелов напoмнит тот собор
над Тёшею
утешит отраженьем...
Опять же гуси там,
— по берегам.

Арзамас-5

Достаток куполов, обилие колонн
и пара голубей, покинувших фронтон,
чтоб с птичьей высоты
облюбовать сей вид,
его косою чертёж картинно обрамит.
В такой проекции представленный чертёж
на римский план разительно похож.

Арзамас-6

Молочный Арзамас —
фарфоровый сервиз
на скатерти холма
когда при взгляде вниз
сквозь пар реки и марево лугов
взбиваешь взором кремы облаков.
когда при взгляде вверх, от блещущей реки
упрёшься в портики, фронтоны, завитки...

Под крышкой купола бурлит густое время,
и город видится молочным киселём
сбежавшим на плиту кондитера-засони
тут пригорело, там заветрилось и ось
пространства накололась на авось,
кисель растёкся во дворы и сени.

Арзамас-7

Здесь внезапный звон с четырёх сторон
здесь густая тень в череде колонн
здесь ступеней кладь здесь простора гладь
здесь простой обзор как до ссоры спор.
Ибо моря нет, а горят маяки.
Ибо горя нет, раз коптят фитильки.

Арзамас-8

Видавшая виды рюмочная
с деревянным прилавком
— доска просохла, пропиталась пивом —
из угла открывается перспектива
на фронтон собора, на колоннаду,
на голубей,
на соседний купол, что голубей
неба, на памятник ленину, на магистрат,
на флюгера в виде ангелов,
что кажется затрубят
вот-вот... но вот
ещё один посетитель пиво берёт
и рыбу к пиву.
И закрывает собой
столь пугающую перспективу.

Арзамас-9

Полушария куполов полною гроздию,
пыльною перед ливнем —
копия профиля кучевой тучи.
Парная панорама.

Арзамас-10/1

Разливы Тёши тешат аппетит
топографа — такой типичный вид:
меандр реки охватывает туго
пропитанные влагою луга
бугры меж берегами, берега,
поля залитые, заждавшиеся плуга.

Арзамас-10/2

Разливы Тёши тешат кругозор
картографа — в зеркалье вод зазор
меж берегами стал масштабом выше
иных озёр — и за спиной собор
как стопы подобрал пока сухие крыши.

Арзамас-11

Шары куполов как коконы осинные
осенью расширяют щели.
Что лепилось в них летом — вылетело.
До апреля полости опустели.

Арзамас-12

Купола на горке как яйца в корзине:
сизые, серые и золотое.
Опрокинь корзину
— побегут в низину
по двое, по трое...

Арзамас-13

Купол в цвет голубиных яиц
высижен целою стаею птиц
что-то созрело в куполе том яйце
что-то в духе, в сыне, что-то в отце.

Арзамас-14

Как крутое яйцо — луна над Тёшею
горой скорлупы — собор
созвездие лебедя наброшено
на сны гусей арзамасских озёр.

Арзамас-15

О Арзамас купологлавый!
На красных лапках гусь бывалый
ступает бережно на лёд
скользит, не падает — идёт!
идёт и хлопает, лукавый,
крылом. И гогот величавый
разносит ветер озорной
над арзамасской стариной.

Арзамас-16

«Есть только атомы и пустота,
всё остальное домыслы».
И благие помыслы — дорога в ад, так говорят.
Ничего кроме дробящихся атомов и пустоты
потенциальной.
И бомба — тотальный
рентген-аппарат.
И парившие в ряд
пророки, апостолы, архангелы и предтечи
лишь боевой заряд неочевидной встречи
силы света и силы ядра.
Скорлупа хрустит, растёт дыра
в пелене. И на месте святого дара
повисает дамоклово острие удара.

Арзамас P. S.

Отечества поэзии Парнас —
насмешливый и вольный Арзамас
собрание пиитов и риторов
— поднимем же без долгих разговоров
гранёные посудины за вас!

Жуковский, Блудов, Вяземский, Уваров!
За вас и пунш из чаш, и чай из самоваров,
За вас! — мы посетили Арзамас,
Его трактир, где солоно, где квас,
где к водке хлеб и лук с щепоткой соли.
Вы сами — соль! Мы до сих пор в рассоле
тех ваших шалостей, шедевров и гримас.

Закажем же настойки, не спрося
цены — первой цены наука
разлить — а на закуску лука
и в память Пушкина — копчёного гуся.